

(Не)имперское в современной социогуманитарной рефлексии

Обращение к имперскому прошлому:

ИСТОРИЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_9

Revisiting the Imperial Past: History and Reinterpretation

Уиллард Сандерленд (*профессор истории Университета Цинциннати; PhD*)

Как понимание империи и империализма менялось в последние триста лет?

Самое очевидное изменение произошло в том, что представление об империи от очень хорошего сдвинулось к очень плохому. Триста лет назад Петр Великий и его сподвижники хотели подчеркнуть свое участие в имперском клубе европейских стран и для этого переименовали страну, добавив в название слово «империя». Двести лет спустя презиравшие империализм большевики вычеркнули «империю» из названия. Будучи убежденными интернационалистами, они даже убрали слово «Россия» из названия их нового государства, отрицая таким образом национальный компонент. В итоге получился Союз Советских Социалистических Республик.

Эти антиимперские настроения были очень характерными для того времени. В эпоху национализма недоброжелатели воспринимали империю как неуклюжую, устаревшую, репрессивную, чуждую форму и, что хуже всего, — традиционную, а не современную, в то время как идея нации казалась чем-то совершенно противоположным. Даже большевики, которые верили, что национальность была всего-навсего буржуазной иллюзией, признавали ее достаточно реальной для того, чтобы наполнить ее «социалистическим содержанием», насколько это возможно.

Однако противопоставление империи и нации не является таким уж и простым, как хотелось бы представителям каждого из этих лагерей. В Новое время некоторые из архитекторов империй (Наполеон, Хирохито, Гитлер) вполне могли быть националистами, в то время как некоторые противники империализма были в то же время противниками идей национализма (например, Ленин). Закон исторической преемственности, согласно которому империи

якобы неизбежно уступают место национальным государствам, на самом деле куда более сложный феномен, чем кажется.

Видимо, более продуктивным способом говорить об империях является разговор не о том, чем они являются, а о том, что они делают. И тогда окажется, что национальные государства вполне могут быть имперскими по своему характеру, а империи — националистическими. Более того, каждая из этих категорий вмещает в себя ряд более сложных гибридных форм, не говоря о бесчисленных внутренних противоречиях между ними. Соединенные Штаты Америки, например, были основаны на очевидном неприятии имперской власти, но это не помешало им с самого начала воспринять идею «империя как образ жизни»¹. Действительно, сложно представить более яркий пример имперского образа мышления, чем Томас Джефферсон, известный своими антиимперскими настроениями.

Есть ли смысл говорить о динамике перехода от империализма к постимпериализму? Уместно ли говорить о XXI веке как веке неоимпериализма?

Учитывая то, что я сказал выше, я не вижу большой разницы между пост- и неоимпериализмом. Мы не можем не изобретать новые термины, чтобы рефлексировать реальность вокруг, потому что мы постоянно пытаемся разобраться в настоящем, которое кажется все более новым. Тем не менее я не думаю, что терминологические дебаты тут могут чем-то помочь. Во время периода активной деколонизации, который наступил после Второй мировой войны, неокOLONиализмом стало называться доминирование сильных государств над более слабыми без официального оформления колоний, как это было раньше. Сегодня неоимпериализм представляет собой либо завоевание, либо запутывание при помощи силы слабых государств более сильными в условиях, когда империи формально отсутствуют. Но экспансия характерна для многих типов государства. Рим, например, совершил множество завоеваний, в то время как формально был «просто» республикой.

Все это я говорю для того, чтобы подвести к следующей мысли: вместо того чтобы использовать такие термины, как «имперский», «неоимперский» и так далее в качестве описательной модели, лучше критически подходить к осмыслению их действий. Например, случай России. Для меня Российская Федерация сегодня — это национальное государство, состоящее из разнородного, но в большинстве своем этнически русского населения. Правительство ее ведет войны «для защиты» людей, которых оно называет русскими, проживающими на территории других государств, власть которых называется нелегитимной. Считается ли такое поведение империалистским? Да. Означает ли это, что Российская Федерация является империей, неоимперией или чем-то в таком духе? Необязательно.

Не только империи расположены к подобной реваншистской экспансии. В начале 2000-х Гэри Уайлдер опубликовал историю межвоенной Франции². В то время название Французское имперское национальное государство звучало странно, даже провокационно. И возможно, так оно и было. Но сейчас

-
- 1 См. обсуждение этого вопроса в: *Williams W.A. Empire as a Way of Life: An Essay on the Causes and Character of America's Present Predicament, along with a Few Thoughts About an Alternative.* New York: Oxford University Press, 1980.
  - 2 *Wilder G. The French Imperial Nation-State: Negritude and Colonial Humanism between the Two World Wars.* Chicago: University of Chicago Press, 2005.

это кажется вполне здравым. Конечно, национальное государство может быть национальным и имперским одновременно, так как оба типа разделяют широкий опыт практик государственного строительства.

Гораздо важнее не официальное название, а сущность правления. Нечестное, лживое, репрессивное, коррумпированное, милитаристское, неэффективное и абсолютно циничное, без какой-либо программы на будущее правительство — это ужасное правительство. А ужасные правительства совершают ужасные вещи.

Что касается того, является ли правительство неоимперским, мне не кажется, что это вообще важно, поскольку этот термин сам по себе мало что помогает понять. То же самое можно сказать и о таких категориях, как фашизм, неофашизм или постфашизм. Все эти термины размыты и противоречивы в равной степени. Они «хороши для размышлений» (*bonnes à penser*), что означает их способность спровоцировать мысль. Однако ярлык, который вы в итоге получите, окажется менее значимым, чем конкретный кейс³.

Сейчас склонность какого-либо правительства использовать силу для решения территориальных задач делает его опасным и для многих его соседей, и для его собственного народа. Однако я не думаю, что существование таких правительств олицетворяет угрозу неоимпериализма или что мы можем говорить о нашем веке как об «эпохе неоимпериализма».

Какие политические концепции являются противоположными идее империализма? Республиканизм? Национализм? Деколониальная политика и культура?

На этот вопрос тоже нет однозначного ответа. Мне кажется, не существует одной-единственной «серебряной пули» — универсальной антиимперской концепции. В разные времена и в разных условиях национализм и республиканизм как поощряли преступления и предрассудки имперской власти, так и противостояли им. Схожим образом деколониальная политика нашего времени имеет потенциал как бросить вызов и реформировать имперский образ мышления, так и воспроизвести и нормализовать свои собственные формы иерархии и исключения. Поскольку империи не идентичны и никогда не действуют одинаково, я не думаю, что существует последовательная политическая идеология или форма правления, которая могла бы противостоять или обличать различные формы беззакония, совершавшиеся империями.

Другими словами, я не вижу, как осуществить прогресс без взращивания идей демократической культуры, культуры открытого взаимодействия и ответственности за действия имперских властей — хороших и плохих, прошлых и настоящих, со всеми выявленными и изученными серыми зонами и сложностями. Это требует постепенного, непрерывного строительства и поддержки формальных институтов и неформальных привычек динамичного и толерантного публичного пространства. Никакая империя никогда не была и не могла быть настоящим демократичным государством. Даже США, имперско-нацио-

---

3 Интересные замечания по поводу этой известной фразы Клода Леви-Стросса см.: *Garber M. Good to Think With // Profession. 2008. P. 11—20.* О понятиях «классического фашизма» и связанных с ним терминах см. дискуссию Энцо Траверсо и Ильи Будрайтскиса: *Global Post-Fascism and the War in Ukraine: A Conversation // e-flux* (<https://www.e-flux.com/notes/543799/global-post-fascism-and-the-war-in-ukraine-a-conversation> (дата обращения: 29.05.2024)).

нальная экспансия которых в XIX и XX веке во многом обосновывалась расширением демократии, очевидно, были демократией не для всех.

Почему и как Россия стала империей? Как провозглашение империи повлияло на ее политический и социальный порядок, систему и практику государственного управления и законодательство? Эволюционировали ли эти социальные и политические практики с 1721 по 1917 год?

Народы разных территорий, на которые претендовало Российское государство, всегда были очень разнородными в культурном плане. Представление, что управление всем этим многообразием было предназначением великих московских князей, была одним из политических принципов России уже к началу XV века. В XVI—XVII веках Московское царство по своей сути уже было империей. Затем, в начале 1700-х, это закрепилось на официальном уровне.

Значительные изменения, которые произошли в период между 1721 и 1917 годами, были связаны с неуклонным усложнением государственного и социального строя. В России формирование государственных и социальных структур, включая такие имперские институты, как закрепощение российских и других крестьян, разворачивалось одновременно с расширением и поддержанием империи, так что имперское строительство, государственное строительство и строительство общества были постоянно взаимосвязаны.

К 1917 году империя стала не только намного больше по размеру и разнообразнее в культурном отношении по сравнению с 1721 годом, она стала еще и более сложной в социальном и экономическом планах. Имперское правительство тоже стало более амбициозным и имело свои планы на организацию и преобразование жизни в стране. Ранний советский строй часто описывают как мобилизационное государство, но «стремление к мобилизации» началось еще в эпоху Великих реформ, если не раньше.

Считаете ли Вы, что было что-то особенное и исключительное в российском империализме?

Спасибо за этот вопрос, потому что это единственный вопрос, который, как мне кажется, застуживает простого ответа. И мой ответ: нет.

История империй поразительна и неоднородна и практически такая же долгая, как история человеческого общества. Каждая империя в этом смысле часть общей истории. Я не могу придумать ни одного правителя, политики, идеологии, социального предубеждения, культурного артефакта, достижения или преступления, которые бы существовали только в российском контексте и не имели бы аналога где-то еще.

Подвергался ли российский империализм критическому осмыслению в российских интеллектуальных и культурных сферах с XVIII по начало XX века?

Осмыслению кем? Правителями или управляемыми? Ответ зависит от этого. Если первое, то имперский правящий класс был многообразной, настоящей, практически общеимперской аристократией. В целом представители этого класса извлекали выгоды из этой имперской системы: русские, поляки, грузи-

ны, татары, балтийские немцы и другие. В этом смысле империя не представлялась такой проблемой, как это виделось снизу.

Если второе и мы говорим об управляемых, ответ не такой простой. Повседневные миры империи функционировали в соответствии с уровнем их фактической независимости от нее. Функция правительства — вмешиваться в жизнь, но возможности делать это у него были ограничены. Поэтому имперская власть как таковая часто не чувствовалась на местах — она была где-то далеко. Образовавшаяся в результате де-факто автономия создала пространство для сосуществования с империей в различных регионах и помогала нормализовать империю как политическую структуру. Империя становилась проблемой в определенные моменты — когда кто-то испытывал на себе ее давление или становился жертвой укоренившихся в ней предубеждений. И это происходило все чаще по мере того, как пространство автономии начинало сжиматься. Обычные люди выражали свое несогласие или уходом, или бунтом, но, как правило, они не проблематизировали имперский характер государства.

Мыслители, писатели и другие творческие люди были более критичными, но и у этой критики были очевидные границы. Каким образом Российское государство и общество формировались вместе с империей, таким же образом формировалась вместе с ней и российская культура. К примеру, возьмите оду, один из самых характерных жанров русской литературы XVIII века. Ода была имперским изобретением, и ее авторы использовали это жанр для того, чтобы превозносить эту самую империю⁴. Российский творческий класс жил внутри империи и в общем воспроизводил ее нормы и ожидания. Даже такие свободные мыслители, как Пушкин, не были свободны от имперского высокомерия. Это же справедливо и в отношении Верещагина, чьи картины из известной его «Туркестанской серии», несмотря на свою способность заставить задуматься о моральной и человеческой цене завоеваний, все же каким-то образом их и прославляют.

В общем, я бы сказал, что нет, империя не была, как правило, «критически осмыслена» в российских культурных и интеллектуальных сферах. Имперское высокомерие и власть могли подвергаться критике, как у Толстого в «Хаджи-Мурате», но чаще всего машинерия империи либо игнорировалась, либо воспринималась как нечто естественное. Русские писатели и мыслители XIX века не разрабатывали идею Предначертания судьбы (Manifest Destiny), как это было у американцев. Но у них были свои способы представить происходящее в империи в смягченной форме, как что-то совершенно естественное.

Историки были так же частью этого культурной традиции, как и все остальные. Ключевский известным образом описал Россию как страну, которая «колонизируется», и сравнил передвижения русских поселенцев с «птичьими перелетами из края в край»⁵. Что может быть более естественным, чем это описание? В то же время Карамзин называл Ермака «русским Пизарро», но при это обязательно добавлял, что, несмотря на то что он был «не менее Испанского грозный для диких народов», он тем не менее был «менее ужасным для человечества»⁶.

4 См.: *Ram H. The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison: University of Wisconsin Press, 2003. P. 63–120.

5 *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. I // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 50.

6 *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. Т. 9. СПб.: Тип. Александра Смирдина, 1831. С. 440.

Подобные формулировки помогали сгладить острые углы империализма, делая имперский габитус куда более приемлемым. Российская творческая и научная интеллигенция жила в рамках этого габитуса и не слишком его оспаривала.

Существовали ли какие-нибудь неимперские проекты, предложенные в России в то время?

Да, альтернативы были, несмотря на доминирование имперского образа мышления в то время. Помимо стремлений различных групп националистов отделиться от империи (в первую очередь поляков), в течение 1800-х годов возникли регионалистские идеи, которые предусматривали другую имперскую логику, основанную на более справедливом балансе между центром и периферией. В определенные периоды эти представления даже переживали ажиотаж и популярность, особенно во время Великих реформ, а позднее — и гораздо более заметным образом — в 1917 году.

Вообще, 1917 год был моментом интенсивного переосмысления империи, что было одновременно результатом национальных трений, проявившихся в разных частях империи и до 1914 года, но еще в большей степени — результатом кризиса Первой мировой войны, которая и внутри российского контекста может быть рассмотрена как «война за деколонизацию Европы»⁷. В ходе войны какие-то территории уже были отделены от имперского тела. Другие же территории воспользовались падением монархии, чтобы добиться независимости.

В то же время раздавались голоса, которые даже во время войны стали предлагать пересмотр имперского проекта под видом «Великой России», основанной на демократии, свободе и «дружбе народов»⁸.

Федерализм — настоящий неимперский федерализм, а не установившийся в СССР федерализм имперского типа — казался реальным в 1917 году. Но создание сильной, жизнеспособной, справедливой, многонациональной, мультирегиональной федеральной структуры требует времени, а также институционального и культурного обновления и открытости. Государство такого типа требует демократической культуры и федеративных институтов для поддержания своей структуры.

1917 год тем не менее не позволил случиться ничему из этого. Победившие революционеры, хотя и были яркими антиимпериалистами, оказались столь же яркими сторонниками авторитаризма и централизации. В результате идея федерализма превратилась в пустые фразы, которые остаются таковыми и по сегодняшний день. Формальная империя больше не существует, но подложная федеральная структура в некотором смысле превратилась в оболочку, которая вмещает в себя имперское национальное государство и является последним удобным габитусом для тех, кто все еще обладает имперским менталитетом прошедших времен.

Беседовали Арсений Куманьков и Татьяна Вайзер

Пер. с англ. Анастасии Лыцовой

---

7 Sanborn J.A. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. New York: Oxford University Press, 2014. P. 3.

8 Гредескул Н.А. Россия и ее народы. «Великая» Россия как программа разрешения национального вопроса в России. Пг.: Изд-во М.В. Попова, 1916. С. 5—7, 66—68.